Секция «Гражданское право»

Запрет противоречивого поведения (venire contra factum proprium) в странах континентального и общего права: особенности и сходства применения

Научный руководитель – Ширвиндт Андрей Михайлович

Пестовская Алина Александровна
Студент (бакалавр)
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права, Москва, Россия
E-mail: alina.pestovskaya98@gmail.com

Правило о том, что никто не вправе идти вразрез со своим предшествующим поведением (nemo contra factum su um proprium venire potest) в той или иной форме известно почти каждому национальному правопорядку. В странах континентального и общего права обязанность вести себя последовательно вменяется субъектам гражданских правоотношений сквозь призму различных норм, институтов и положений, выработанных судами и доктриной. Для общего права эта роль отведена институту estoppel. В континентальном праве наличность постулата venire contra factum proprium в большинстве случаев выводится судами из принципа добросовестности.

Максима venire contra factum proprium уходит своими корнями в римское право, однако ни одному римскому источнику она не была известна. Ее природа видна в другом римском принципе - *allegans contraria non est audiendus*. Еще один институт, через который прослеживается связь римского частного права с доктриной venire contra factum proprium, это exceptio doli generalis [2]. Именно этот римский институт больше всего похож на современный п.5 ст. 166 ГК РФ. Dolus в данной эксцепции имеет место в самом факте предъявления иска, что дает право ответчику в римском процессе ссылаться на недобросовестность истца, парализовав тем самым предъявленное требование [1]. Сама же максима запрета противоречивого поведения в том виде, в котором она нам известна сегодня, была впервые сформулирована глоссаторами. Связь обсуждаемой максимы с английским estoppel проявилась в большом количестве дел, разрешенных Судом Справедливости.

Применение доктрины запрета противоречивого поведения разнится от правопорядка к правопорядку. Определение сферы применения конкретных норм и институтов, воплотивших в себе принцип запрета противоречивого поведения, зависит от того, какие условия и обстоятельства будут рассматриваться в конкретном правопорядке в качестве неотъемлемых признаков применимости доктрины.

В странах континентального права обсуждаемая проблема возникает чаще всего в случае порока формы и противоречия договора закону. Судебная практика Германии признает недобросовестность возражения о ничтожности лишь в тех случаях, когда иное решение приведет не просто к несправедливости, а к исключительно неприемлемому (непереносимому) результату. Результат неприемлем, конкретизируют суды, когда поведение одной из сторон является в особенной степени недобросовестным, или, когда ущерб для другой стороны столь велик, что «грозит самому существованию» [4]. Немецкие суды также прибегают к анализу соразмерности соображений справедливости и целей запрета.

В одном из дел предприниматель заключил с лицом, не являющимся профессиональным участником рынка, договор купли-продажи земельного участка с домом на нем. Предприниматель заверил покупателя, что никаких формальностей для соблюдения формы договора не требуется. Однако после того, как цена была уплачена, продавец заявил, что договор ничтожен вследствие несоблюдения нотариальной формы. В данном случае

ссылка продавца-предпринимателя на ничтожность была расценена судом как недобросовестная, поскольку он намеренно, зная о необходимости облечения договора в нотариальную форму, убеждал покупателя в обратном. Поведение предпринимателя в данном случае является особенно недобросовестным, поэтому он обязан передать собственность на земельный участок и дом покупателю.

Еще один пример противоречивого поведения возникает в тех случаях досрочного расторжения договора, когда у контрагента были разумные основания полагать на продолжение контрактных отношений в течение определенного периода времени. Так, стороны заключили договор поставки автомобильных бамперов. Исполнение обязательств потребовало от поставщика вследствие специфики производимых покупателем машин значительных затрат на запуск новой линии производства. Однако спустя несколько месяцев покупатель направил уведомление о расторжении договора. Такое поведение должно расцениваться судом как недобросовестное, поскольку вызвало у продавца разумное доверие, основываясь на котором он выстроил свою дальнейшую деятельность по запуску новой линии бамперов. К тому же выводу приходит итальянское право, апеллируя к институту злоупотребления экономической зависимости, а бельгийское и греческое к широко применяемой доктрине злоупотребления правом. В странах общего права этот кейс решался бы иначе вследствие непризнания здесь принципа добросовестности как общего принципа права.

В системе общего права институт estoppel существует в нескольких разновидностях. Каждая из них возникала и развивалась в судебной практике одновременно как инструмент борьбы с противоречивым поведением в той или иной его форме (сфере), и защиты доверившейся стороны. Введением эстоппеля предполагалось решить и другие проблемы. Так появление promissory estoppel связано с недостатками доктрины встречного предоставления [3]. Согласно последней, обещание, сделанное одним лицом другому, не связывает первого, если взамен не последовало встречного предоставления. Очевидно, что в отсутствие эстоппель такое действие the doctrine of consideration приводило бы к ситуациям явной несправедливости. Но такая его функция в Англии возможно только там и тогда, где и когда обещание сделано при уже существующем между сторонами контракте, и касается, например, его изменения или прекращения обязательств по нему, что стало возможным с принятием в 1946 г. решения по делу Central London Property Trust Ltd v High Trees House Ltd [5]. В США же конструкция promissory estoppel без особых изъятий может служить субститутом для тех обещаний, где встречного предоставления нет.

Таким образом, несмотря на различные средства и сферу применения правил, не допускающих противоречивое поведение, в разных правопорядках, их смысл и назначение в одном: недопущение несправедливого результата и извлечения преимуществ из непоследовательного поведения, а также поддержание стабильности гражданского оборота.

Источники и литература

1) Римское частное право. Под ред. Новицкого И.Б., Перетерского И.С. 2012.

2) Laura Vagni. Protection of the purchaser's reliance in 16-18 century England and Europe. The Western Australian Jurist. Vol 3. 2012. P. 4-5, 24-25.

3) Mohamed Yehia Mattar "Promissory Estoppel: Common law wine in civil law bottles". Tulane Civil Law Forum. 1988. P.101-103.

4) R. Zimmermann, S. Whittacker. Good faith in European Contract Law. Cambridge University Press. 2000. P.258 – 259

1947 KB 130. http://www.diprist.unimi.it/fonti/1041.pdf